

Р ъ ч ь

предъ панихидою въ сороковый день по кончинѣ профес- сора В. Ѡ. Пѣвницкаго.

Сорокъ дней исполнилось со времени кончины нашего приснопамятнаго учителя. Образъ его всегда стоитъ и будетъ стоять предъ нашими духовными очами. Такъ онъ привлекателенъ, чарующъ, исполненъ духовнаго благоуханія!.. Память о немъ неизгладима; слава его востоянна; наслѣдіе, оставленное имъ, неизмѣнно. Высокая личность нашего приснопамятнаго учителя изображена уже многими его учениками во всей ея духовной красотѣ, и мнѣ хотѣлось бы только сказать, что въ его личности вырисовываются идеальныя черты профессорства, или профессорскаго званія.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что истинное профессорство есть свое рода подвижничество. Это—постоянный трудъ, непрерывное напряженіе мысли. Тутъ, какъ сказали одинъ изъ нашихъ покойныхъ философовъ, строишь и вновь всматриваешь и перестраиваешь, чтобы зданіе было возможно болѣе гармоничное и цѣльное... Тутъ имѣютъ приложеніе слова Апостола, что, забывая заднее, нужно стремиться впередъ (Фил. 3, 13), ибо идеаль научный, какъ и идеаль христіанской жизни, безконеченъ. Тутъ нельзя думать о матеріальности и приходится не одинъ разъ сказать: „умѣю жить въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи; научился всему и во всемъ“ (Фил. 4, 12). И этотъ высокий трудъ приснопамятный нашъ наставникъ несъ полстолѣтіе, ни чѣмъ постороннимъ никогда не отвлекаясь. Онъ безза-

вѣтно служилъ Академіи и богословской наукѣ. Это былъ истинный жрецъ науки, предъ котрымъ благоговѣшь; богословская наука являлась для него настоящимъ святилищемъ. Профессорство внутренне слилось съ его личностью, и безъ него онъ былъ не мыслимъ, ибо въ немъ находилъ высочайшее духовное удовлетвореніе. И какъ неизмѣнно вѣренъ былъ онъ своему долгу! Самъ онъ говорилъ, что меньше до болѣзни опустилъ учебныхъ часовъ, чѣмъ сколько лѣтъ служилъ въ Академіи. Въ послѣднее время онъ иногда и недомогалъ, но, не смотря на это, неизмѣнно дѣлалъ свое профессорское дѣло.

На это свое дѣланіе покойный Василій Теодоровичъ никогда не смотрѣлъ, какъ на нѣчто отрѣшенное отъ прежней академической работы: онъ воспитался въ извѣстной школѣ и продолжая ее и развивая, оставилъ намъ свою гомилетическую школу. Рѣдко кому посылаетъ Господь даръ духовнаго строительства, запечатлѣннаго столь ясными, опредѣленными, выпуклыми чертами,—такъ что и ученики строятъ по тому же плану, по тѣмъ же приѣмамъ, пользуются тѣмъ же матеріаломъ,—не сѣномъ и тростіемъ, а каменіемъ честнымъ (1 Коринѣ. 3, 12). Покойный Василій Теодоровичъ имѣетъ великое утѣшеніе въ своихъ ученикахъ, для которыхъ онъ является подлиннымъ духовнымъ отцемъ. Онъ можетъ радостно воскликнуть: *се азъ и дѣти, яже даде ми Богъ*. Этихъ своихъ духовныхъ чадъ онъ беззавѣтно любилъ, всячески о нихъ заботился, содѣйствовалъ ихъ духовному возрастанію. Для него вообще Академія была единое тѣло, а потому „страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены“ (1 Коринѣ. 12, 26). На все академическое онъ смотрѣлъ и его оцѣнивалъ съ точки академической ограниченности и, согласно этому, относился къ нему положительно или отрицательно.

Молившись воспоминанію своего незабвеннаго учителя, преклоняешься предъ высокимъ даромъ, посланнымъ ему Богомъ, постояннаго учено-литературнаго труда. Онъ былъ великій художникъ слова; его знаетъ вся образованная Россія; онъ всегда живъ въ своихъ писаніяхъ и духовно насъ питаетъ. Уже слышатся въ печати голоса, что изданіе ко дню 300-лѣтняго юбилея Академіи его знаменитыхъ словъ было бы лучшимъ благодарнымъ воспоминаніемъ объ учителѣ. Достоинъ вниманія, съ какою послѣдовательностью и систематичностью работалъ почившій. Начавши съ проповѣди Іоанна Крестителя, онъ довелъ исторію проповѣди до послѣднихъ годовъ. Помѣстивши нѣсколько статей по пастырству, онъ затѣмъ въ обширномъ своемъ трудѣ парисовалъ намъ цѣльный живой образъ пастырскаго служенія. То же онъ сдѣлалъ и въ области теоріи церковнаго краснорѣчія. Во всемъ видна мощная духовная сила, работающая неустанно. Его слова часто представляютъ высокіе нравственные трактаты, написанные съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Учено-литературная его производительность шла не одинъ разъ въ полномъ соответствіи его жизни. Склонялась эта многотрудная жизнь къ закату, сталъ ясно видѣть нашъ незабвенный старецъ невечерній день царствія Христова и онъ даетъ намъ назидательнѣйшія христіанскія размышленія о вѣчности, о безсмертіи, о будущей загробной жизни. Блаженъ ты, почившій дорогой учитель! Ты не переставалъ предаваться литературному труду до конца своей жизни,—совершенно ослабѣвшею старческою рукою продолжалъ все-таки держать перо, ибо писаніе составляло потребность твоего духа. За нѣсколько недѣль до своей кончины ты передалъ намъ продолженіе своихъ „Воспоминаній“, исполненныхъ такого высокаго академическаго идеализма, и какъ жаль, что эти столь поучительныя для насъ „Воспоминанія“ остались незаконченными. Ты спѣшилъ всячески привести ихъ къ концу, и, хотя про-

силы тебя отдохнуть, ты говорилъ: „я не утомляю себя; пишу каждый день понемножку“.

„Святой человекъ—Василій Θεодоровичъ,—такъ говорили нѣкоторые знающіе свѣтлость и чистоту жизни нашего учителя, его неизмѣнную правду, его снисхожденіе къ немощамъ другихъ, его терпѣніе въ страданіяхъ, прощеніе причиненныхъ ему обидъ. Такая жизнь имѣла для себя глубочайшую основу въ вѣрѣ Христовой. Покойный Василій Θεодоровичъ былъ вѣрнѣйшимъ сыномъ Матери Церкви, неизмѣннымъ хранителемъ ея уставовъ. Что значить—говорилъ онъ—нашъ разумъ по сравненію съ разумніемъ Церкви, просвѣщаемымъ Духомъ Божиимъ? Все сомнѣнія и колебанія испытующаго человѣческаго ума должны умолкнуть предъ словами: „такъ учить Церковь“. Незабвенный нашъ наставникъ служить живымъ опроверженіемъ того ложнаго, иногда высказываемаго, взгляда, что ученость, если не соединяется съ прямымъ вѣріемъ, то во всякомъ случаѣ тутъ имѣетъ мѣсто вѣра во многомъ видоизмѣненная. Онъ былъ послушнѣйшимъ сыномъ Церкви. Каждому изъ насъ извѣстно то мѣсто въ храмѣ Божиемъ, гдѣ онъ неизмѣнно молился. Каждый изъ насъ напередъ зналъ, что въ извѣстные дни, особенно во дни академическихъ церковныхъ торжествъ, въ Кіево-Братской обители раздѣлитъ съ нами духовную радость и приснопамятный Василій Θεодоровичъ, и онъ неизмѣнно, почти до послѣднихъ дней своей жизни здѣсь присутствовалъ, не смотря на ослабѣвшія свои силы.

Профессоръ, всю свою жизнь отдавшій Академіи, профессоръ, создавшій цѣлую школу учениковъ и послѣдователей и такъ обогатившій нашу отечественную богословскую науку, профессоръ—мужъ церковнѣйшій, мужъ вѣры и благочестія,—эти и другія яркія черты личности почившаго наставника дѣлаютъ его духовный образъ привлекательнѣй-

шимъ и навсегда запомненнымъ въ исторіи Академіи.

Подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,

<http://kdais.kiev.ua>

Онъ училъ насъ при жизни, учить и по смерти. Да почитеть онъ отъ своихъ трудовъ! Блаженъ онъ, ибо можетъ сказать: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончавъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тим. 4, 7). Да воздасть ему Господь, праведный Судія, вѣнецъ правды (2 Тим. 4, 8)!

Прот. Д. Богдашевскій.